

25 ЯНВ 1981

ВОЛЖСКИЙ РАЙОН
г. Пудожье

СТИХОТВОРНЫЕ сборники И. Никитышина, казалось бы, запрограммировали его принадлежность к тому отряду писателей, которых критики чаще всего называют «деревенщиками». Картины природы и сельского быта, воспоминания о деревенском детстве, любовно выписанные образы земляков — впрочем, к чему иному располагали происхождение и трудовая, «долитературная» биография автора?

Однако первая же книга прозы И. Никитышина «Молочные реки, кисельные берега», вышедшая в 1978 году в Москве в издательстве «Современник», явно не вписывалась в жесткие рамки какого-то одного, пусть даже самого общего направления. Возьмем хотя бы наиболее объемистое произведение этого сборника — повесть «Гараж» (написанную, к слову сказать, задолго до выхода на экран одноименного кинофильма). Характер конфликта («вещизм») сближал ее скорее с произведениями таких откровенно «городских» авторов, как Ю. Трифонов и Г. Семенов.

Повесть рассказывала о медленном, постепенном даже не падении, а сползании человека в яму своекорыстия и бездуховности. Главный персонаж (героем его назвать — не по чину) Николай Иванович Востриков — образ сложный, неоднозначный. Деревенский по происхождению, он работает бригадиром строителей. И хорошо, между прочим, работает, получает премии, грамоты и благодарности. Но не забывает и себя. И чем дальше, тем больше думает не столько о деле, сколько о своем кармане.

Тип этот — «трудита плюс хапуга» — новым, конечно, не назовешь (вспоминается, к примеру, Пелагея из повести Ф. Абрамова), да и конфликт встречался в литературе неоднократно. Но И. Никитышину удалось мобилизовать собственные, незаимствованные наблюдения и впечатления, отчего и конфликт и образ получились жизненными, своеобразными. В целом, повесть удалась, читается она с интересом. Да и с пользой. Сами Востриковы на художественную литературу времени, разумеется, не тратят. Но ведь и задача литературы не в том, чтобы перевоспитать каких-то конкретных людей, хотя и это тоже немаловажно.

Многие рассказы и повести в первом сборнике И. Никитышина построены на де-

ревенском материале. Но деревня здесь — реальная, лично, но без идеализации. «Образенная» современная деревня, — это именно только материал, та жизненная основа, которая ближе и роднее автору, на которой ему проще и привычнее ставить нравственные проблемы нашего времени, проследить истоки и последствия конфликтов, сталкивающих наших с вами сограждан вне всякой зависимости от их происхождения, места работы и прописки. Хотя, замечу попутно, в художественной литературе все взаимосвязано, и материал так же влияет на идею, как идея — на

Новая прозаическая книга И. Никитышина «Свидание под ракитой» без всякого сомнения свидетельствует о том, что автор ее ищет своего героя, а значит, и свой путь в литературе. Другое дело — всегда ли удачно...

...И года не прошло, как кончилась война. Деревенская жизнь пока что трудна, голодна и безденежна. Отец молодого героя рассказа «Сразу после войны» еще не вернулся с фронта, но ребята «не очень-то убивались» — привыкли жить без отца. Они вообще привыкли к этой жизни, другой просто не представляют. Кроме забот и огорчений, есть у них

светлой грустью. И. Никитышин откровенно любит милое его сердцу приметами деревенской жизни, с наслаждением рисует картинку быта тех не таких уж далеких, но и тем не менее ставших историей лет, старается поточнее воспроизвести говор своих земляков, их нравы и обычаи. Но на все это он смотрит из сегодняшнего дня, глазами зрелого, прошедшего немалый путь человека, и, понимая это, мы не удивляемся, например, тому, что в авторской речи соседствуют такие словечки, как «отбуздыкать» и «авитаминоз».

Таким же лирическим вос-

персонаж его вряд ли устроит...

Старики и старухи? Да, они у Никитышина получают убедительно. Но вот ведь какая беда: жизнь не терпит застоя. Нужно уважать стариков, нужно учиться у них народной мудрости, трудолюбию, честности и благородству, нужно перенимать у них лучшие качества русского народного характера, так любовно изображаемого писателями — «деревенщиками». Но разве можно на этом останавливаться? Разве имеем право мы, внуки и правнуки, довольствоваться даже самым богатым наследством? Нет, долг каждого поколения

писаны словно двумя разными людьми» здесь не годится. Обе части написаны одной, достаточно уверенной рукой. Но если повествование о детстве волнует автора, затрагивает глубины его души, а значит, и мобилизует лучшие стороны его дарования, то рассказывать о «взрослых» делах, похоже, автору скучновато.

Итак, мальчик Тишка. У него умерла мать, и отец отправляет его к бабушке, своей теще, в деревню. Здесь писатель окунается в свою стихию. «Утро для Тишки начиналось с парного молока. Потом с бабушкой они убрались во дворе: чистили стойло, меняли соломенную подстилку, охаживали разносили по яслям сено. Овцы и корова ходили следом и почтительно дышали Тишке в затылок...» С сожалением прерываю цитату: хорошо написано, от души.

«Взрослая» часть написана, повторяю, той же уверенной рукой. Хороши детали, запоминаются эпизодические персонажи соседей Ивана Степановича по общежитию. Но в обрисовке главных персонажей — и Тишкиного отца, и начальника цеха Турянчика — чувствуется все же вторичность. Портят впечатление и небольшие, но досадные фактические и психологические неточности.

Впрочем, относительная слабость «современной» линии повести «Второе цветение ранета» не должна перечеркивать главного: писатель не удовлетворяется изображением детства, этой прекрасной, сложной, но все же несколько «идиллической» поры человеческой жизни, когда даже самые острые проблемы носят какой-то «игровой», что ли, характер. И. Никитышину упорно стремится найти своего героя и в нашей сегодняшней жизни. Да, поиск этот не всегда удачен, но на то он и поиск...

Нельзя, однако, не заметить, что на страницах нового сборника эхом отозвался и крик «Петушка, золотого гребешка», появились произведения, повторяющие не лучшие образцы «деревенской» прозы. Это рассказы «Свидание на пепелищах» и «Марковна». Они затрагивают душу читателя, но им недостает свежести и новизны, элегичности, лиризм зачастую оборачиваются сентиментальностью, а восприятие деревни странным образом сочетается с «комплексом деревенской второсортности».

Сравним рассказ «Марковна» и повесть «На исходе лета» (единственное, кстати сказать, произведение, перепечатанное из первой книги). И там, и там — конфликт

между деревенскими родителями и городскими детьми, и там, и там разрешения он не получает. Но в повести причина столкновения — не разница в возрасте, а разное отношение к жизни. Не между городом и деревней, не между матерью и женой надо выбирать Сергею Тимофеевичу, а между активным и пассивным отношением к жизни, между целеустремленностью и бездумностью.

Зато в рассказе «Марковна» наличествует «конфликт поколений» в самом классическом виде. Все персонажи — хорошие, да вот беда — разные. Читатель получает еще одно подтверждение того, что старость — не радость, и с горечью в сердце догадывается: уедет Марковна в деревню или останется в городе, у сына, — в любом случае будет ей плохо, тревожно и тягостно. Ведь старость, особенно одинокая, вопреки обыденным представлениям, далека от спокойствия и безмятежности. Я бы поставил ее рядом с юностью. И старость, и юность — это томление духа, это преувеличенная реакция на слова и события, это пора выбора: в юности — главной жизненной дороги, а в старости, когда основная часть пути уже за спиной, — той тропки, которая позволит не просто доживать, а ощущать свою нужность и полезность...

Что ж, пора, наверное, сделать некоторые выводы. Прежде всего повторю: писатель продолжает поиски своего героя. При этом лучшие страницы книги «Свидание под ракитой» не те, где автор оглядывается на прошлое (в частности, слабый, не характерный для И. Никитышина расказ «В разгар свадьбы»), и не те, где он вдруг возвращается к противопоставлению города и деревни (хотя психологически это вполне понятно и оправданно), а те, где писатель, возвращаясь к истокам, пытается отыскать корни тех извечных ценностей, без которых человеку попросту невозможно оставаться человеком. Они, эти «выходы», показывают, что писатель упорно нащупывает подходы к современной теме, и позволяют надеяться на то, что мы еще увидим имя Ивана Никитышина на обложке большой повести или даже романа о современной колхозной деревне, об острейших проблемах и конфликтах, рожденных сельскохозяйственным производством и определяющих облик нынешнего села. Думается, И. Никитышину решение этой задачи вполне по плечу.

Б. КОСЕНКОВ.

ИЩУ СВОЕГО ГЕРОЯ

материал... И только рассказ «Петушок, золотой гребешок» напоминает сюжетом и атмосферой не столько о достижениях, сколько об издержках «деревенской прозы»: чистая, простодушная старушка и ее русская изба — точно островок света в огромном непостижимом мире, из которого на короткое время выныривают суетные и беспардонные ловкачи, старающиеся эту старушку запугать и облапошить...

А ТЕПЕРЬ ненадолго отвлекусь, поразмыслим над таким вопросом. Почему иного автора одной-двух книг мы с чистой совестью называем писателем, в то время как другого, обладающего соответствующей «бумагой с печатью», издавшего с десятков книг и даже включенного критиками в какую-нибудь «обойму», величаем этим титулом без особой убежденности? Дело здесь определенно не в степени одаренности: разве не существует талантливых журналистов? Основную роль, видимо, играет подсознательно ощущаемое нами качество таланта, его направленность. Писателя, на мой взгляд, отличает, в первую очередь, стремление, частенько даже неосознанное, найти своего героя. Героя, который в максимально возможной степени приближен к идеалу и в то же время обеими ногами стоит на грешной земле, героя, позволяющего автору сильно и своеобразно выразить свое отношение к жизни, свои самые заветные мысли и чувства. Зато литератор, не ощущающий потребности в таком герое, остается, при всей своей талантливости, либо репортером, либо бытописателем.

и свои радости, есть свои игры, свои ребячьи конфликты, свои недруги и друзья.

Подходит конец и зиме. «Было радостно от того, что появилась трава, что наконец-то весна и что зима позади. До одури хотелось бегать, голосить и ерлать...» Приближается паша. Ребятишек посылают в соседнее село, где имеется церковь, «святить» куличи. Нехитрая цепь смешных и грустных приключений заканчивается их возвращением в родную деревню. «Освятить» куличи им не удалось, да и не удержались они — почали эти редкостные по тем временам лакомства, так что дома, судя по всему, их ждет суровое наказание. Однако все обошлось, да к тому же как раз в этот день возвратился с войны отец. Словом, события завершаются благополучно...

С интересом и сочувствием читаешь этот рассказ, грустишь и улыбаешься вместе с рассказчиком. А потом задумываешься: на чем же он держится? Ведь сюжета, в строгом смысле, здесь нет, философического стержня тоже не замечается. Эпизоды следуют друг за другом без особой связи, что-то можно убрать, что-то добавить, никто и не обратит внимания. Да и возвращение отца — по литературным меркам — уж слишком подгадало ко времени.

Просто жанровая картинка? Пожалуй, нет. Скорее всего, рассказ держится на лирической интонации автора. Это, пожалуй, и не рассказ вовсе, а лирическое воспоминание, окрашенное, как и всякое хорошее воспоминание,

поминаям представляется мне и рассказ «Вечерки», где даже жестокие сцены избия героя и предательства друга как бы затуманены все той же дымкой светлой грусти по ушедшим дням юности.

Итак, что же — возвращение в прошлое?

Давайте не будем спешить. Припомним книгу «Молочные реки, кисельные берега». Кто из ее многочисленного населения может претендовать на роль героя? Не резонера-судьи, не рыцаря без страха и упрека, а того вполне земного человека, который, как я уже говорил, в максимальной степени соответствовал бы авторскому идеалу? К слову, в поэзии такой образ у И. Никитышина есть — это так называемый «лирический герой». А в прозе?

Сурганов из «Сургановского покоса», Валька из «Утицы луговой», Маркушин из рассказа «Молочные реки, кисельные берега», Коржаев из «Линии»... Нет, не хватает этим персонажам объемности, они освещены, хотя и ярко, но с одного какого-то бока, запечатлены в одном повороте, будто на моментальной фотографии. Любанька из повести «Свет в окошко»? Она изображена с сочувствием, психологически убедительно, хотя и с легким налетом сентиментальности — но тоже как бы со стороны... В итоге отрицательные персонажи в первом сборнике прозы И. Никитышина получились мощные, нагляднее — будто живописные или даже скульптурные портреты рядом с карандашными зарисовками. А ведь Никитышин — явно не сатирик, смех как единственный положительный

приумножать, унаследованное духовное богатство, страдающая и мучаясь, искать свою, новую, неведомую нашим отцам правду. Кстати, и в этом нам пример — старики. Вспомним хотя бы шолоховскую Акинью, ее метания, ее страсти и надежды, ее беды и скудные мгновения счастья. А она ведь почти ровесница тем же распутиным старухам... Нет, они далеко не сразу стали стариками, эти нынешние литературные старики!

Лучшие из «деревенщиков» сердцем чувствуют необходимость поиска. Возьмем В. Белова. Не удовлетворила его ни элегическая, ни балагурно-скоморошья разработка устоявшихся ценностей. Последние повести этого крупного прозаика наглядно свидетельствуют о его стремлении осмыслить нашу с вами пеструю, суматошную и такую трудную для осмысления жизнь... Заметно это и в творчестве И. Никитышина. Любо ему сидеть на завалянке со стариками, но жизнь увлекает за собой.

ИНТЕРЕСНО с этой точки зрения взглянуть на повесть «Второе цветение ранета», которая занимает едва ли не половину сборника «Свидание под ракитой». Композиционно повесть складывается из двух почти равных, но явно не равноценных частей. Одна из них повествует о жизни мальчика Тишки, другая — о его отце Иване Степановиче. Обе эти части перемежаются, то сочетаются, то резко расходятся. Но органического их слияния так и не происходит, они, будто нефть и вода, существуют каждая сама по себе. Ходячее выражение «на